

Феликс Миримов

Опыт

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Феликс Миримов

ОПЫТ

<https://litres.ru/72676264>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге собраны реальные истории успеха, когда жизнь и суровые обстоятельства не давали даже маленького намека на победу. Когда весь мир против. а ты продолжаешь сражаться и побеждаешь.

Феликс Миримов

Опыт

Моим детям

Слушайте, дети мои, слово моё. Не золото и не серебро оставляю вам, ибо они тленны. Оставляю вам то, что добыто разумом и сердцем, что хранило меня в трудный час и привело к сединам. Примите это наставление, как огонь из рук в руки.

О главном богатстве и главной нищете

Самое большое богатство человека — ум. Не тот, что кичится знанием, а тот, что умеет различать добро и зло, правду и лесть, время для дела и время для молчания. Золото кончается, слава тает, но ум, если вы лелеете его, служит вам до последнего вздоха и множится, когда вы делитесь им.

Страшнейшая нищета — невежество. Не тот беден, у кого пуст сундук, а тот, у кого пуста душа и закрыты глаза на мир. Невежда даже среди изобилия остаётся нищим, и не понимает ценности того, что держит в руках, и всегда ищет многого, теряя настоящее.

О самолюбовании

Опаснейший из грехов — самолюбование. Гордый собой человек подобен путнику, который встал посреди дороги и мнит себя её целью. Он не движется вперёд, ибо считает, что уже достиг всего. Он не видит ни наставников, ни друзей,

ибо все они для него лишь зеркала. Самолюбование иссушает душу — берегитесь его, как заразы.

О добре как наследии

Великий дар вашим потомкам — ваш добрый нрав. Дети будут помнить не то, сколько вы накопите, а то, как вы говорили с людьми, как держали слово, как гневались и как были милосердны. Нрав переходит от сердца к сердцу, как вода из родника наполняет ручьи. Если вы справедливы, терпеливы и милосердны, ваши дети впитают это с молоком матери и передадут дальше.

О выборе спутника жизни

Самое важное решение в вашей жизни — с кем разделить её. Не спешите, ибо ошибка в этом выборе дороже всех прочих вместе взятых.

Ищите не красоты — она увядает. Не богатства — оно приходит и уходит. Ищите того, с кем ваша душа говорит на одном языке, даже когда вы молчите. С кем вы можете быть слабыми, не стыдясь слабости, и сильными, не унижая другого.

Спутник жизни подобен второму корню дерева: если корни переплетены, дерево выстоит в любую бурю; если растут врозь — рухнет от первого же ветра.

Бойтесь того, кто хочет вас переделать. Настоящая любовь не лепит из глины, а принимает камень, каков он есть, и стоит рядом, не требуя стать другим.

Бойтесь того, с кем вам стыдно молчать. Ибо молчание

— величайший проверщик близости. Если вы можете сидеть рядом час, два, вечер, ничего не говоря, и чувствовать покой — это ваш человек. Если же тишина давит, заставляя выдумывать слова, — бегите, это не любовь, это зависимость.

Смотрите, как ваш избранник говорит с теми, кто слабее, — с детьми, со стариками, с теми, кто не может ответить. Ибо однажды вы можете оказаться на их месте.

И главное: выбирайте того, кто способен расти. Любовь — это не точка, куда приходят, а дорога, по которой идут вдвоём. Если вы идёте в разные стороны, никакое чувство не удержит вас вместе. А если в одну — никакие трудности не разлучат.

О выборе друзей

Окружение человека — это либо стена, либо пропасть. Будьте разборчивы в дружбе.

С невеждой не водите дружбы. Не потому, что он зол, — нет, он может искренне желать вам добра. Но, замышляя благо, он неминуемо навредит, подобно слепому, который правит колесницей: он объезжает одну пропасть, но не видит другой.

Со скупцом не ищите близости. Скупой человек копит, думая, что сокровища спасут его в старости, но душа его от скупости ссыхается. Когда вы будете нуждаться в помощи, он не поспешит к вам — не потому, что враг, а потому, что уже неспособен оторвать руку от своего.

Завистника сторонитесь. Завистник носит весы в груди:

он вечно взвешивает, кому досталось больше. Такая дружба — нож остриём к вашей спине. Завистник продаст вас за малость, ибо для него ваше уничтожение слаще его собственного возвышения.

Лжец подобен миражу в пустыне: далёкое он представляет близким, а то, что рядом, объявляет далёким. Вы будете опираться на его слова, как на камень, и провалитесь в песок. Лжец не помнит, что сказал вчера, и не ответит за то, что скажет завтра. Не верьте красивому языку без честного дела.

Вот вам моё наставление. Я не был безупречен, но эти истины выстрадал и проверил жизнью. Храните их в сердце. В трудный час они станут для вас факелом, в минуту сомнения — мечом, в день радости — тихой молитвой.

Если вы сохраните ум, добрый нрав, верных друзей и рядом будет тот, кто идёт с вами в одну сторону, — никакая сила не отнимет у вас достоинства. А я, пока жив, буду рядом; когда же меня не станет, знайте — эти слова останутся с вами навсегда.

С вечной любовью,

Ваш отец

Глава 1

Пыль Мечты и Звон Стекла

Советское детство пахло дефицитом. Не острым, кричащим запахом, а приглушенным, как выцветшие стены в подъезде – запахом вечного «нет». Именно этим «нет» по-

веляло от родителей, когда я, затаив дыхание, показал им вырезанную из «Пионерской правды» картинку. Скейтборд. Не деревянная самоделка на шарикоподшипниках с автобазарчика, а настоящий. Гладкий, изогнутый, с яростными полосками и колесами, которые, казалось, вращались сами по себе, унося доску в иной, стремительный мир. Мир, где нет очередей за колбасой, где асфальт – это не потрескавшаяся плитка двора, а бесконечная трасса свободы.

«Слишком дорого, сынок, – вздохнул отец, не поднимая глаз от газеты. – И где ж его взять-то, этот... скейт? Фантазии.»

Фантазии. Это слово повисло в воздухе тяжелым одеялом. Но оно не погасило мечту – оно заперло ее внутри, сделало навязчивой, как зубная боль. Я засыпал, сжимая воображаемую доску, чувствуя под босыми пятками шершавый наждак доски. Просыпался – и первая мысль: «Скейт». Он мерещился в очертаниях крыш за окном, в гулко катящейся по двору бочке, в самом ритме моего сердца: скейт-скейт-скейт. Он стал моей тайной, моей тихой, непрекращающейся одержимостью. Я ходил в школу, делал уроки, глотал манную кашу – и все это сквозь плотную пленку одной мысли: «Как?»

Безнадежность гноилась где-то под ребрами. Пока однажды, мать не велела принести из сарая закрутки на зиму. Сарай стоял в глубине двора, темный, пропахший сыростью, пылью десятилетий и чем-то кислым. Луч света, пробившийся сквозь пыльное покрытое паутиной окно, выхватил из

полумрака знакомое, но никогда не замечаемое зрелище: гору. Не холм, не кучу – именно гору пустых стеклянных бутылок. Они копились там годами, десятилетиями. Бутылки из-под молока, зеленые лимонадные, коричневые пивные. Они валялись беспорядочно, местами поросли паутиной и серой плесенью, покрытые толстым слоем пыли, словно пеплом забвения. Мусор. Никому не нужный хлам.

Я уже повернулся уйти, мысленно возвращаясь к своему безнадежному «скейту», как вдруг... Молния. Не в небе – в голове. Яркая, ослепительная, прожигающая пелену отчаяния.

Стеклотара!

Слово само вырвалось наружу, гулко отозвавшись в тишине сарая. Приемный пункт! За бутылки дают деньги! Сердце вдруг заколотилось с такой силой, что перехватило дыхание. Я замер, уставившись на груды стекла. Это была уже не куча хлама. Каждая бутылка, каждая грань, ловящая луч света, внезапно засияла. Зазвенела. Они стали монетами. Кирпичиками моей мечты.

С этого мгновения одержимость обрела форму. Она перестала быть пассивной тоской. Она стала действием. Я забыл про закрутки. С азартом кладоискателя я кинулся разгрести пыльные завалы. Бутылки звенели, бились, пыль щипала глаза и забивалась в нос. Я не чувствовал ни тяжести грязных сеток, которые нашел тут же, ни брезгливости от скользкого налета на некоторых бутылках. Мои руки работали сами –

ловили, ставили в ряд, укладывали. Каждая звенящая «фан-тика», каждая тяжелая молочная бутылка приближала меня к доске. Я видел ее.

Но эйфорию открытия быстро сменила суровая реальность. Стеклотару нужно было сдавать чистой. А мои сокровища... Они были не просто пыльными. Десятилетия во влажной темноте сарая сделали свое дело. Внутри некоторых зеленых и коричневых бутылок царила своя, жутковатая жизнь: паутинные гнезда, плесень, похожая на черный мох, а в паре экземпляров даже засохшие останки мышей. От них несло сыростью и тлением.

"Домой – ни ногой!" – мамино вето прозвучало железно, едва я попытался пронести первую партию «добычи» в тепло. Ее взгляд, полный ужаса при виде этого биоразнообразия в стекле, был красноречивее любых слов. Моя фабрика по производству мечты переместилась под открытое небо, к уличной колонке.

Ноябрь, воздух уже кусал щеки, а земля по утрам подергивалась хрустящим инеем. Колонка – единственный источник воды во всем нашем дворе – стояла, как ледяной монумент. Знаменитый рычаг, который нужно было не просто нажать, а удерживать изо всех сил, чтобы потекла тонкая, ледяная струйка. Стоило ослабить хватку – и вода замолкала, будто насмехаясь.

Так начался второй этап моего квеста. Война с грязью и холодом.

Сетка на земле, бутылки – в таз под колонку, левой рукой – давишь на рычаг изо всех сил. Металл мгновенно вытягивает тепло из пальцев, правой рукой – скребёшь щеткой по стеклу, пытаясь отодрать вековую грязь и налет. Ледяная вода обжигает кожу, сводит суставы. Пар от дыхания клубится в воздухе. промыть внутри адская задача! Залить воду в узкое горлышко, заткнуть пальцем, трясти, выливать черную жижу... Повторять. Снова и снова. Для бутылок с "жизнью" внутри – отдельные мучения. Палочки, травинки, терпение и снова ледяная вода. Поставить чистую бутылку в другую сетку. Чувствовать, как пальцы теряют чувствительность, краснеют, потом белеют. Рука, держащая рычаг, немеет от напряжения и холода.

Это была медитация одержимости под аккомпанемент звона стекла и ледяного шипения воды. Каждая чистая, сверкающая на осеннем солнце бутылка была маленькой победой. Холод? Он лишь закалял решимость. Грязь? Она смывалась, открывая путь к мечте. Неудобство? Рычаг колонки стал моим тренажером воли: отпустишь – все остановится. Держишь – мечта течет, капля за каплей, превращаясь в реальность.

Мытье растянулось на несколько дней. Я возвращался домой с побелевшими, негнушимися пальцами, с насморком, но с горящими глазами. И с чистыми бутылками в сетке. Мама качала головой, грела мне руки в тазу с теплой водой, бормоча что-то о "поехавшей крыше" и воспалении легких.

Но в ее взгляде, сквозь беспокойство, уже читалось невольное уважение. Даже она видела: это не просто каприз. Это была миссия.

И когда, наконец, все сокровища сияли чистотой, аккуратно уложенные в сетки, я знал: главное испытание позади. Дорога в пункт приема с промерзшими руками казалась уже не такой страшной. Я стоял в очереди – терпеливый, сосредоточенный, как взрослый, с гордостью глядя на плоды своих ледяных трудов. Звон чистого стекла звучал особенно сладко...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.